

Русская эмиграция в Китае: в поисках будущей России

Елена Аурилене

Россия отошла, как пароход
От берега, от пристани отходит.
Арсений Несмелов. О России

«Что такое эмиграция? Только ли путь с родины, изгнание? Нет, и возвращение, путь на родину. Наша эмиграция — наш путь в Россию». Так писал Д. Мережковский, определяя смысл существования русской политической эмиграции¹. Изгои Октябрьской революции и Гражданской войны, образовавшие «зарубежную Россию», не оставляли надежду на возвращение в Россию настоящую и потому увлеченно строили планы будущей российской государственности.

Среди этих планов наибольшую известность в наши дни получили, пожалуй, те, что составлялись участниками евразийского движения. Евразийство, соединившее в своей идеологии историософию с политикой, было многослойным, многообразным и многоаспектным. В конечном счете все проявления этого течения были поиском ответа на модернизационный вызов, который на протяжении истекшего столетия (да и в наступившем веке) оставался главным вызовом для России, для ее русских и нерусских интеллектуалов. При таком взгляде на евразийство нет необходимости специально доказывать, что его идеи должны были волновать русских эмигрантов в Китае не меньше, чем, скажем, в Праге или Берлине.

Вместе с тем не стоит забывать о следующем. Во-первых, евразийство не было все-таки самым популярным (не говорю уж — господствующим) идейным течением русской эмигрантской мысли. Во-вторых, при всей их видимой оригинальности, евразийцы не выпадали вовсе из общего поля этой мысли; в нем происходил интен-

Елена Евлампиевна Аурилене, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Хабаровского военного института Федеральной пограничной службы Российской Федерации, Хабаровск.

сивный обмен разного рода мыслительными «находками», равно как и заимствованиями с других, неэмигрантских, полей. В-третьих, у истоков евразийства стояли люди, обосновавшиеся к западу от границы СССР, и там же жили их главные критики. Северо-Восточный Китай, на территории которого достаточно специфическая дореволюционная русская диаспора, обязанная своим возникновением КВЖД, соединилась с остатками разбитых белогвардейских частей, отступивших сюда в основном из Забайкалья и Приморья, вряд ли мог стать центром притяжения русской философской элиты. Не было у здешней русской эмиграции и прочных контактов с академической интеллигенцией и научно-исследовательскими учреждениями европейских стран. Все это заставляет, с одной стороны, подойти к местным идеологам как к явлению самостоятельному, заслуживающему внимания независимо от их отношения к тому или иному идейному течению, с другой, сомневаться в серьезности влияния на них евразийства.

Тем не менее исключение евразийства из спектра политического сознания дальневосточной эмигрантской интеллигенции было бы неправомерным. Предмет раздумий был общим; и много общего было в исходном теоретическом багаже, с помощью которого русские мыслители и на Западе, и на Востоке конструировали будущее России. Все читали Спенсера и Ницше; почти все были сторонниками органической теории развития; многие вынесли из горького опыта Гражданской войны глубокое разочарование в либеральных ценностях и обратились к консервативной альтернативе либо увлеклись фашизмом. И как и в Западной Европе, осмысление дальневосточной эмиграцией перспектив российской государственности у русских в Китае начиналось с попыток понять причины и смысл революции, сделавшей их эмигрантами.

В статье рассматриваются основные идейные течения, характерные для русской эмиграции в Китае, на основе анализа текстов, написанных их яркими представителями. При этом, используя групповые названия того времени, я отказываюсь от конвенциональных определений «левые», «правые», «центр». Применительно к эмиграции их условность возрастает до таких размеров, что они просто утрачивают смысл. Куда продуктивнее показать, как эти течения соотносятся — если соотносятся — с классическим евразийством. Однако для убедительного решения этой задачи потребовалась бы целая книга, а не небольшая журнальная статья. В статье я ограничиваюсь краткими указаниями и ссылками, рассчитывая, что

их дополнит сам заинтересованный читатель, уже знакомый с появившимися в последнее десятилетие многочисленными публикациями трудов евразийцев².

* * *

Сменовеховцы. В конце 1920 года харбинское издательство «Окно» предложило читающей публике сборник статей под названием «В борьбе за Россию». Его автор, профессор права и член партии кадетов Н. В. Устрялов, обосновался в Харбине после разгрома колчаковской армии и вплоть до выезда в 1935 году в СССР вел активную общественную и политическую деятельность в эмиграции. В предисловии к сборнику обозначена его цель: «Поставить перед русскими патриотами проблему их дальнейшего самоопределения»³. Национально мыслящим патриотам предлагалась новая тактика борьбы за Россию: прекращение взаимной вражды, восстановление гражданского мира и согласия в отечестве, сотрудничество во имя национального возрождения. Через полгода аналогичный призыв прозвучал из Праги со страниц сборника «Смена вех», и русская эмигрантская общественно-политическая мысль пополнилась новым течением, «сменовеховством».

Таким образом, Устрялов стоял у истоков сменовеховского движения. В Харбине вокруг него сформировалась группа единомышленников: С. Алымов, А. Вознесенский, Н. Гондатти, С. Ухтомский, Д. Чернявский, Е. Яшнов и другие, известные в эмиграции политики, публицисты, литераторы и общественные деятели⁴. Движение будоражило эмигрантское политическое сознание на страницах газеты «Новости жизни» (1922–1926) и альманаха «Русская жизнь» (1922–1923), обрастало сторонниками и множило противников.

Осмысливая катастрофу «белого» движения, Устрялов приходил к выводу о бесплодности вооруженной борьбы против большевиков. Их победа была неизбежна, они выступали в качестве защитников национальных интересов России, тогда как антибольшевистское движение «слишком связало себя с иностранным элементом». Несмотря на свою интернационалистскую сущность, большевизм оказался «империалистичным и централистским едва ли не в большей мере, чем сам П. Н. Милюков»⁵. Большевики восстанавливают государственность на всем пространстве бывшей Российской империи, «собирают» земли в «великое и единое государство». «Великая и

неделимая Россия» появляется вновь, но на этот раз в большевистской оболочке. Сменовеховцы дают новой русской власти советы по ее устройению. Надо ликвидировать Дальневосточную Республику (ДВР), включив ее территорию в прежние государственные границы. А во внешней политике новой России следует ориентироваться на Японию: при сложившейся в мире расстановке сил две страны не имеют поводов для соперничества и могут быть естественными союзниками.

Призыв к сотрудничеству с большевиками отнюдь не означал принятия сменовеховцами большевистской идеологии. «Гражданский мир» они предлагали большевикам потому, что видели в нем средство мирного «преодоления большевизма», благо эволюция последнего уже началась. Процесс перерождения большевистской системы в буржуазно-демократическую государственность казался Устрялову и его единомышленникам неизбежным. Переход советского правительства к новой экономической политике усиливал их убежденность в собственной правоте. Ведь «большевизм, изменивший свою экономическую политику, не есть уже прежний большевизм»⁶. Либерализация экономики должна была со временем привести к демократизации государственного строя. Эмиграции следует вернуться в Россию: объективно это будет способствовать переводу страны на новые хозяйственные рельсы, что в свою очередь должно подтолкнуть большевиков к принятию ценностей буржуазной демократии. Будущая Россия станет *парламентской республикой* с широкими политическими свободами и гражданскими правами.

В 1926 году Устрялов посетил СССР и вскоре опубликовал в Харбине свои путевые заметки. Тон их был восторженным. «Дух восстановления, ренессанса», охвативший страну, произвел на него глубокое впечатление⁷. В брошюре «Накануне», изданной в Шанхае в 1930 году, лидер дальневосточного сменовеховства, недавний противник большевизма фактически признал социализм перспективным общественным строем и оправдал политический курс Сталина. В 1935 году Устрялов вернулся в СССР, два года преподавал в одном из московских институтов, а затем попал в жернова той самой тоталитарной машины, с деятельностью которой связывал возрождение страны. Она раздавила его так же, как и миллионы его соотечественников.

Евразийцы. Сменовеховцы в среде русской дальневосточной эмиграции не были одиночками, у них находились точки соприкос-

новения с евразийцами, более всех увлеченными *метафизическим* смыслом большевизма. Правда, как уже отмечалось, ярких звезд на евразийском небосклоне со стороны Китая не возшло, так что и характеристика этого направления мысли в среде дальневосточной эмиграции поневоле окажется краткой.

Помимо Устрялова, евразийские идеи были в той или иной мере близкими по духу харбинскому профессору права В. А. Рязановскому, востоковеду П. В. Шкуркину, популярному журналисту и публицисту Вс. Н. Иванову. Книга последнего «Мы: культурно-исторические основы русской государственности», вышедшая в 1926 году в Харбине, была замечена не только в Китае, но и в Европе и вызвала дискуссию о месте Востока в культуре и менталитете России. На страницах «Евразийской хроники» в Париже была даже опубликована «Переписка с “азиатом” В. Ивановым (автором “Мы”»).

В центре внимания Вс. Н. Иванова, как и положено, — российская государственность. Истоки ее уходят в эпоху монголо-татарского ига. Влияние Востока на русскую государственную идею в момент ее становления доказывается геополитической преемственностью: «Победив Восточного владыку — Великого хана Китая и Монголии, — Московский царь брал себе то, что имел бывший соперник — Азию до Тихого океана». Присоединение восточных территорий обеспечило могущество России в Европе, да и во внутренней политике территории эти стали стабилизирующим фактором. Успехи большевиков также связаны с благотворным влиянием «инерции восточных пространств»⁸. Короче, читайте «О туранском элементе в русской культуре»⁹ Трубецкого или «Геополитические заметки по русской истории»¹⁰ Савицкого... Остается добавить, что в 1931 году, следуя, видимо, своему убеждению в необходимости практического воплощения в жизнь евразийских идей, Вс. Н. Иванов принял советское гражданство.

Младороссы. В идейном отношении это движение представляло собой эклектическое смешение монархизма, итальянского фашизма и евразийства. Шефом его был Великий князь Дмитрий Павлович, главой организации — А. Л. Казем-Бек. «Младороссы» отказывались признавать существование «зарубежной России». По их мнению, двух России не было и быть не могло: «Есть одна живая Россия. Та Россия, которая теперь перерождается в мучительных схватках, и есть молодая Россия». Большевистское правительство, вопреки своей интернационалистской идеологии, выполняет национальную работу: сохраняет целостность государства и отстаивает его интересы

на международной арене. Находящиеся в эмиграции русские патриоты должны готовить подрастающее поколение к созидательному труду на благо Родины, а не к политике, дабы в нужный момент «дать России тысячи и тысячи инженеров, врачей, техников»¹¹. А в 1934 году газета «Младоросская искра» вообще заявила о превращении Союза Младороссов в советскую партию, находящуюся в оппозиции к правящей в России коммунистической партии.

Как и собственно евразийцы, «младороссы» в Китае не были многочисленны, но имели, тем не менее, свой печатный орган — газету «Новый путь», выходившую в Шанхае под редакцией Н. В. Петерца. В 1935 году в юбилейной статье «50 номеров» младоросский автор назвал это издание единственной настоящей фашистской газетой на всем Дальнем Востоке. По всей видимости, не случаен выбор названия «Новый путь» — в противовес фашистскому «Нашему пути» партии К. Родзаевского (о ней — ниже). Вслед за своими единомышленниками в Европе шанхайские «младороссы» провозглашали «торжество духа над материей» и считали нацию духовным организмом, своеобразие которого проистекает из «национальных, кровных, почвенных особенностей» страны.

Будущая русская государственность определялась ими как *социальная монархия* — «наследственная, природная, самодержавная власть, правящая через посредство национального отбора»¹². Персонафицировалась она младороссами в лице великого князя Кирилла Владимировича, а «национальный отбор» должен был осуществляться по фашистской формуле «социальное сотрудничество в национальных рамках». Впрочем, процесс «национального отбора», как и структура представительных органов власти уже в значительной мере отработаны большевиками и вполне вписываются в младоросскую государственную модель, для краткого обозначения которой младороссы придумали скандально-известный в эмиграции лозунг «Царь и Советы!».

Критикуя (как и евразийцы) западный капитализм и признавая (как евразийцы же) успехи социалистического строительства в СССР, младороссы вместе с тем предпочитали употреблять термин «социальный» вместо «социалистический». В этом различии они усматривали глубокий идеологический смысл: российский опыт показывает, что социалистическое государство не способно обеспечить сотрудничество всех слоев, поэтому путь от «призрачного мира капитализма» к «реальному миру социальности и труда» российская нация должна была пройти под знаменем «социальной монархии»¹³.

Фашисты. В середине 1920-х годов прошлого столетия группа выпускников и студентов Юридического факультета Харбина увлеклась итальянским фашизмом. Е. В. Кораблев, А. Н. Покровский, Б. С. Румянцев и их последователи увидели в нем свежие социально-политические идеи, которые могли бы пригодиться при конструировании модели будущей, освобожденной от коммунистической диктатуры России. В 1926 году по их инициативе в стенах Юридического факультета была создана Русская фашистская организация (РФО), а в 1929 году открылся Русский клуб, сделавшийся постоянным местом встреч ее членов. В мае 1931 года РФО обрела жесткую организационную форму и превратилась в Русскую фашистскую партию (РФП). «Вождем» ее стал К. В. Родзаевский.

Программа РФП предвещала близкий крах советской системы и возлагала на плечи фашистов-эмигрантов задачу особой важности: подготовить силы, способные покончить с советским режимом и возродить свободную Россию (ср. с младороссами). Размышляя о причинах поражения белого движения, авторы программы упрекали его вождей в отсутствии *идеи*, способной поднять народные массы на борьбу с большевизмом. Фашисты брались за спасение России под лозунгом «Бог — Нация — Труд», явно переиначивая на свой лад уваровскую формулу «Православие — Самодержавие — Народность». Да они и не противопоставляли свою идеологию православию, напротив, всячески старались подчеркнуть преемственность между ними. Поэтому, например, их ежегодный партийный праздник проходил в день Святого Владимира под девизом: «Под стягом Святого Владимира — к возрождению Святой Руси!»¹⁴.

Программа РФП носила выраженный антисемитский характер, однако другим народам, населявшим бывшую Российскую империю, обещала «уважение и равноправие». Постсоветское государство должно было строиться на корпоративной основе, на принципах классовой солидарности и примирения труда и капитала. В нем люди одной профессии объединяются в национальные союзы, представляющие определенный сектор экономики, союзы — в национальные корпорации. Высшую государственную власть осуществляет Всероссийский земский собор, составленный из представителей верхнего уровня национальных корпоративных объединений. На переходный период устанавливается «фашистская национальная диктатура»; она организует «временный порядок на смену революционному хаосу», заложит основы национальных союзов и тем самым подготовит созыв Всероссийского собора. В 1939 году в работе

«Русский путь» К. В. Родзаевский убеждал соотечественников в том, что «фашистская национальная диктатура» не будет означать захвата власти членами его партии, а сам он не претендует на роль национального вождя. Со свойственным ему пафосом он заявлял: «Моя жизненная задача другая — начертить дорогу и бросить в массы свет правдивой идеи, способной поднять Россию со дна пропасти, куда ее столкнули»¹⁵. И далее — с использованием аргументов и лексики евразийцев: «Доводы против национальной диктатуры направлены, в сущности, против всякой твердой власти и ведут к анархизму: никогда не правит большинство, всегда народ ведет меньшинство — и лучше для Нации, если это меньшинство будет национальный отбор из всех классов населения, а не аристократия, или демократический кабак политиканов, служащих различным группам отечественного и международного капитала»¹⁶. Национальная диктатура не имеет ничего общего с диктатурой ВКП(б), в ущерб русскому народу преследующей интернациональные цели, она «опирается на Нацию, все классы и отражает волю и устремления Нации, всех классов в лице их инициативных и волевых верхушек»¹⁷.

Родзаевский и его сторонники оставались небольшой группой в рядах дальневосточной эмиграции. Это вынуждало их искать способы «национальной» легитимации и мощного внешнего союзника. Легитимации должна была превратить РФП в естественный элемент русской жизни в Китае, внешняя поддержка — придать этому элементу необходимую силу.

Идеологи РФП искали — и нашли — собственную легитимирующую фашистскую традицию в истории России. Они утверждали, что истоки ее восходят еще ко временам Ивана Калиты. В Земских соборах XVI—XVII веков они видели прообраз будущей корпоративной организации российской государственной власти, связь с фашизмом обнаруживали у Зубатова и Столыпина. Советский строй отождествлялся ими с системой «еврейского государственного капитализма». Поэтому РФП провозгласила лозунг «против еврейского фашизма в СССР, за русский фашизм РФП», а в качестве партийной эмблемы избрала свастику, хотя Родзаевский и оговаривался: «Наш знак — Святой крест, а свастика — чисто политический знак, символизирующий единый антиеврейский фронт»¹⁸. На роль внешнего союзника намечалась Япония. Родзаевский и его соратники не скрывали готовности выступить на ее стороне, если та начнет войну против СССР. Ибо, вне зависимости от субъективных целей государств, воюющих с Советским Союзом, грядущую войну

следует считать не войной против России, а «стихийным событием, способствующим освобождению России». Для пущей убедительности этого довода опять привлекались исторические параллели: Родзаевский сравнивал себя с Александром Невским, «унижавшимся пред татарами, но разбившим завоевателей в Ледовом побоище»¹⁹.

В 1945 году под впечатлением побед СССР Родзаевский написал письмо к Сталину. То была своего рода исповедь, в которой он объяснял мотивы создания и деятельности Российского фашистского союза. Родзаевский сетует на отсутствие «правильной» информации о происходящих в СССР процессах, признается в том, что, разрабатывая утопический проект будущего Российского государства во главе с национальной партией, русские фашисты не заметили главного: «Функции национальной партии в настоящее время в России... осуществляются Всероссийской коммунистической партией (большевиков)... советы СССР, по мере вхождения в них новой, молодой русской интеллигенции, становятся все более и более национальными...»²⁰. Фактически «государство Российской Нации» реально существует, это — Советский Союз. Удовлетворяется и религиозное чувство, так как при советском режиме религия «обрела свой первохристианский основной смысл и стала религией трудящегося народа». А к реализации этой цели и стремилась фашистская партия²¹. Что касается лозунга русских фашистов «Освобождение Родины от еврейского коммунизма любой ценой», то он был их роковой ошибкой, причиной «неправильной генеральной линии» партии во время войны Германии с СССР. Более того, ошибочным было и употребление термина «фашистская» в названии партии. За годы советской власти «интернациональный марксизм» трансформировался в «ленинский национализм» и «всечеловеческий сталинизм». А сталинизм — это и есть «наш Российский Фашизм, очищенный от крайностей, иллюзий и заблуждений»²².

Письмо оставляет двойственное впечатление. Оно свидетельствует, с одной стороны, о том, что его автор как будто пережил глубокую ломку своих убеждений. С другой — что приверженцам одной тоталитарной идеологии не так уж трудно принять другую тоталитарную идеологию. Тем более, что русский фашизм так и не превратился в самостоятельную силу, Япония, проектировавшаяся на роль «внешнего» покровителя, была разгромлена, и все это побуждало искать — почти произвольно — новую точку опоры.

Трудовики или солидаристы. Ярким образчиком их воззрений является работа К. Эрмана «К вопросу об идеологических основах

программы Российской национально-трудовой партии и лозунги РНТП», опубликованная в 1932 году в Шанхае. По мнению ее автора, идеология РНТП должна «противопоставить интернациональным проходимцам живую силу народной воли и идею национальной свободы». Под «интернациональными проходимцами» подразумеваются большевики: они выполняют предписания протоколов «сионских мудрецов», в которых «начертано истребить русскую нацию путем вытравливания христианства, внедрения коммунизма и социализма».

Классовой теории государства Эрман противопоставляет органицистскую концепцию *солидаризма*. Подобно тому, как красные кровяные шарики обеспечивают жизнедеятельность биологического организма, рабочие и крестьяне делают то же в отношении организма государственного, тогда как интеллигенция играет роль лейкоцитов, защищающих организм от вредных бактерий. Если яд, попавший в кровь, не успел проникнуть в красные шарики, то организм легко выздоравливает. Ибо, как в организме нет «антагонизма между клетками», так и в национальном государстве не должно быть классовой борьбы. Большевицкая революция — результат проникновения «бактерий интернационального сброда» в мозг народных масс. Проникновение, классовая вражда и увлечение народных масс социализмом явились следствием недальновидной политики российского правительства. Игнорирование властями нужд народа сыграло на руку марксистам, воздвигшим стену антагонизма между двумя классами национального организма. «Интернациональные бактерии» заразили народные массы, двинули их на борьбу с защитниками организма — белыми кровяными ферментами. Но не все еще потеряно: «Вредные бактерии сами вырабатывают своими отвратительными действиями среду, то противоядие, от которого они погибают»²³. Политика большевицкого правительства породила «новых бойцов за здоровье национального организма».

Нацию Эрман определяет как «народ одного языка, одинаковых обычаев, одной культуры и одного племени, а также те народы, у которых язык имеет один корень, и земельные границы, находящиеся под общим правительством, в одном государстве». Под словом «рабочий», занимающим ключевое место в ряду эрмановских дефиниций, следует понимать работников как физического, так и умственного труда. Работа может быть «мускульной» и «духовной», «продуктивной» и «непродуктивной», «свободной» и «подневольной», но лица, занимающиеся ею, все в равной мере имеют право

называться трудящимися. Правда, различия между ними все-таки прослеживаются — «с той грани, откуда начинается эксплуатация труда в крупном масштабе». Однако с помощью трудового законодательства, регулирующего отношения между рабочим и предпринимателем, возможно примирение труда и капитала. Более того, оно должно быть осуществлено. Следует создать контрольные органы, состоящие из представителей трудовых союзов; на паритетных началах с собственниками они будут решать вопросы производства и распределения прибыли. Трудовое законодательство должно быть нацелено на широкую программу социального обеспечения (вопросы образования, страхования, медицины, санитарии и т. д.). Тогда борьбу труда и капитала за победу одной стороны заменит «борьба за уравнивание двух сил». Регулятором «уравнивания» станет национальное правительство. Политическая система «новой России» будет опираться на широкое народное представительство в его парламентских формах. Организованное в профессиональные союзы население будет направлять своих посланников в высшие органы национальной власти, РНТП на монопольную роль в государстве претендовать не будет.

Монархисты. Для понимания воззрений этой группы обратимся к опубликованному в Харбине в начале 1930-х годов докладу В. Ф. Иванова «В поисках государственного идеала». Вслед за итальянским историком и публицистом Г. Ферреро, самым страшным бедствием современности автор доклада называет отсутствие «обще-признанного принципа власти»²⁴. Демократический принцип, пришедший на смену монархическому, вверг общество в состояние разложения и упадка. Оказалось, что парламентаризм — всего лишь «красивая ложь». Депутаты ни в коей мере не ответственны перед избравшим их народом. Парламенты создаются не свободной и разумной волей, а подкупом и обманом, шантажом и демагогией. Объявленный «святилищем демократии», парламент на самом деле являет собой «второй деловой кабинет денежной плутократии»; в стенах его побеждают не умные и сильные, а ловкие и наглые.

То была действительно убийственная критика парламентаризма, выдержанная в духе Ж. де Местра и Л. де Бональда. Она вела автора доклада к отрицанию самой возможности народного суверенитета. «Управляет не народ, а денежные люди и спекулянты»; «биржа владеет золотом, а золото — демократией». Либералы, демократы и социалисты вкупе с биржевой плутократией обирают народ, открыто и нагло попирая справедливость. Главная причина кризиса власти

заключается в том, что отвергнуты ее фундаментальные принципы: принцип божественного происхождения и принцип «волею народа».

Российской драма приобретает в докладе вселенские масштабы, кризис власти объявляется следствием религиозно-духовного кризиса всего человечества. Корни его уходят в эпоху Реформации, поставившей под сомнение авторитет церкви, возвысившей разум над верой. Последствия известны: отрицание божественного происхождения государства и разработанная Локком идея народного суверенитета; «безбожный» XVIII век и его «герои» — Вольтер, Даламбер, Дидро, Монтескье и, наконец, «грубый, завистливый плебей, самоучка» Руссо. Этот ряд замыкается марксизмом — «логическим завершением Реформации, поставившей своей целью без Бога, силою одного только человеческого разума перестроить несовершенную жизнь людей и привести человечество в царство всеобщей гармонии...». Развенчав западные либерализм и демократию, Иванов обрушивается на русских ученых. Они не создали русской исторической науки и русского государственного права, но сделали все возможное, чтобы очернить прошлое России, ошельмовать русский государственный идеал.

Выводы из этой сокрушительной критики ни в коей мере не соответствуют ее размаху, предсказуемы, не слишком глубоки и совершенно неоригинальны. По духу они полностью совпадают с до-революционной теорией официальной народности: «Царь творит волю Отца небесного, народ выполняет волю Царя как отца, с которым он слит в один живой организм». Ссылаясь на авторитет И. С. Аксакова и Ф. М. Достоевского, Иванов утверждает, что русское самодержавие создано церковью и православным народом, следовательно, является единственной формой правления, приемлемой для России. Более того, лишь оно в тесном союзе с православной церковью способно возродить былое могущество России, восстановить нарушенный военно-политический баланс в мире. Поиск иного государственного идеала не имеет смысла, модные течения вроде солидаризма, фашизма, немецкого национал-социализма или евразийства и т. п. России не нужны.

«Одиночки». Идеология правого крыла дальневосточной эмиграции разрабатывалась не только политическими партиями и движениями, но и в процессе философских и социологических изысканий независимых интеллектуалов. Другое дело, что их идеи, однажды возникнув, могли в дальнейшем питать и политическую практику.

В 1942 году в издательстве Главного Бюро по делам российских эмигрантов вышел сборник статей и переводов под названием «Социальная опасность». Автор, известный в Харбине историк, профессор Юридического факультета и его последний ректор Н. И. Никифоров может быть отнесен к людям, которых Фридрих Мейнеке назвал «поколением, подорвавшимся на Ницше»²⁵: рассуждения Никифорова о «малоценных» и «вредных» в расовом и социальном отношении индивидах звучат как отголосок речей Заратустры о сверхчеловеке и «лишних людях». Ницшеанство автора «Социальной опасности» дополнялось механическим наложением на историю биологии. Заметное влияние на него оказали и исследования доктора Аперта в области генетики, а также книга А. Декюжи «Судьба белой расы».

Суть излагавшейся Никифоровым теории «социальной истории» заключалась в следующем. Миром правит наследственность. Поэтому «наследственная дефективность» людей, облеченных властью, представляет собой серьезную угрозу обществу. Примеров тому среди властвующих особ было немало, достаточно вспомнить типичного параноика царя Ивана IV. Чем дальше человечество продвигается по пути прогресса, тем слабее его генетическое здоровье. Культура создает условия для выживания массы «малоценных и вредных в расовом... отношении индивидов» и продолжения их рода, а также для появления «порченных гениев» или «высших дегенератов», пагубно влияющих на весь ход человеческой истории (в качестве примера у Никифорова фигурировал все тот же злосчастный Ж.-Ж. Руссо). Другим вредным следствием развития культуры является отдаление человека от природы. Оно влечет за собой ослабление здоровья человека, его сопротивляемости внешней среде. Так выродились древний Египет, античная Греция и Рим. И ни конституционализм, ни республиканизм не способны оградить общество от проникновения во власть людей с дурными наследственными наклонностями, «носителей скрытой или ослабленной порчи»²⁶.

Глубоко изменить наследственную природу человека не способны никакие внешние условия. Марксисты, утверждающие, что всякий человек способен научиться управлять государством, находятся на «донаучном» уровне мышления. Образование и воспитание дают лишь «экипировку» наследственной одаренности, но не более того. Поэтому «пагубную идею естественного равенства» надо раз и навсегда отбросить и признать «железный закон неравенства». Важнейшей целью политики государства должно стать повышение

«качества нации». Необходимы контроль над иммиграцией, сегрегация и стерилизация дефективных индивидов, ограничительные законы при заключении брака. Тем же, кто обладает полноценным биологическим здоровьем, государство должно создавать оптимальные условия для развития их наследственных способностей. В частности, можно реализовать проект немецкого профессора О. Гаузера, который предлагал выдавать нечто вроде государственного «приданого» брачующимся, признанным «стандартными» по параметрам возраста, здоровья, роста, формы черепа, цвета глаз и т. п.

Итак, с точки зрения Никифорова, «социальная опасность» заключена в дурной наследственности, грозящей человечеству вырождением. Спасти же от вырождения должна евгеника. Но кто будет делить нацию на «полезных» и «вредных» индивидов? И можно ли точно предвидеть все последствия евгенических экспериментов? На эти вопросы автор сборника ответа не дал, ограничившись замечанием, что практическая евгеника не должна превращаться в евгеническую инквизицию²⁷.

В конце 1930-х годов в среде харбинской русской эмиграции была сделана попытка теоретического осмысления проблем государства сквозь призму социальной философии. Предпринял ее профессор И. Б. Коджак, опубликовавший объемистый труд под названием «Социософия: новая наука о государстве, как социальном организме, и его душе — прогрессе».

Как следует из предисловия, основным мотивом, побудившим автора взяться за перо, стало падение в сознании русских, в результате разлагающего влияния коммунистической идеологии, авторитета государства. Пусть политики занимаются доктринерством, конструируя государственные модели по принципу соответствия той или иной теории, без учета возможностей общества, — Коджак предлагает человечеству новую науку *социософию*, способную обеспечить созидание «нового культурно-государственного самосознания»²⁸. Ее предметом «является все то, что касается внутренней (органической) и внешней (функциональной) жизни социального организма, то есть государства»²⁹.

«Новая» наука хорошо укладывается в русло вполне почтенной по возрасту органической теории общества. Коджак начинает с излюбленной исходной посылки своих собратьев по идейным поискам — уподобляет социальное биологическому. Человек — атом социального организма, которым является государство. Первоочередная задача — познать *трансцендентальную* сущность этого соци-

ального организма. Теология и мистика потеряли свой авторитет, пустоты, образовавшиеся в трансцендентальной сфере, должна заполнить «рационально-национальная религия». Проводником ей послужит социософия.

«Благодаря инстинкту, люди сорганизовались в общество, чтобы найти здесь полное счастье»³⁰. А полностью стремление к совместной жизни реализуется в государстве. Его форма никогда не бывает произвольной, зависит от «породы атомов», его составляющих. Она всегда связана с органическими творческими и духовными возможностями общества. Поэтому-то все усилия людей по переустройству государства могут предприниматься лишь в русле естественных возможностей данного социального организма. Советское государство искусственно, поскольку создано на основе марксистской доктрины. Но и фашизм не может претендовать на то, чтобы считаться органической формой социального строя, «требует разрядки в продуктивном результате; иначе напряжение может завершиться надрывом и полной дезорганизацией»³¹. Поэтому первой задачей, которая встанет перед Россией после того, как она оправится от своей «советской» болезни, будет ее «органическое оформление и укрепление», то есть развитие *национального сознания*. Национализм дает обществу «высшую качественность», мощь России будет возрастать в прямой зависимости от того, насколько ей удастся «заставить каждого гражданина чувствовать себя русским»³².

* * *

Моя статья не охватывает весь идеологический спектр дальневосточной эмиграции. Речь в ней шла только о наиболее ярких идеях и концепциях, дающих представление об интеллектуальной жизни эмигрантов в Харбине и Шанхае. Тем не менее можно утверждать, что независимо от конкретного места пребывания русской эмиграции, доминантами ее сознания были национализм и религия. И обе эти доминанты присутствуют в теоретических построениях евразийцев³³ — национализм в своеобразной форме антизападнического «евразийского национализма», религия — в форме православия, в котором и осуществляется воцерковление мира.

И все же, чем длиннее была культурная дистанция между страной-реципиентом и диаспорой, тем, видимо, сильнее ощущался националистический компонент в настроениях и воззрениях

эмигрантов. Национализм на страницах эмигрантской литературы принимал разные формы — от «привычного» великорусского шовинизма до признания за народами бывшей Российской империи права на культурно-национальную самобытность в рамках единого федеративного государства. Но нельзя не заметить, что среди людей, нашедших пристанище в Северо-Восточном Китае, относительно либеральная идея «евразийского национализма» не получила широкого распространения. И не исключено, что повышенный интерес интеллигентской верхушки российских эмигрантов в Китае к религии больше объясняется инстинктивным стремлением защитить с ее помощью свою идентичность в чуждом восточном мире, чем сугубо идейными соображениями.

Достаточно определенно все разобранные в статье идеологи высказались (и размежевались) по поводу большевистской революции. Большинство «национально мыслящих авторов» Харбина и Шанхая увидели в революции нечто искусственно навязанное русскому народу хорошо организованной группой интернациональных заговорщиков, воспользовавшихся военной разрухой и помощью извне. Так думали консерваторы-монархисты, фашисты, представители Российской Национально-Трудовой партии (РНТП) и др. Противоположную точку зрения высказывали сменовеховцы и собственно евразийцы, считавшие русскую революцию объективным результатом саморазложения политической системы царской России.

В зависимости от понимания сущности революции выстраивались и перспективы советского строя, модели будущей российской государственности. Если консерваторы предлагали вернуться к «органической» для русского православного народа форме правления, к монархии, то фашисты Родзаевского призывали консолидировать нацию в корпоративном православном государстве. Младороссы полагали возможной интеграцию традиционной для России монархии в советскую политическую систему, а сменовеховцы и евразийцы не возвращались к старым и не искали принципиально новых политических моделей, поскольку в институциональном отношении их вполне устраивала и советская система, доказавшая, как им представлялось, свою способность служить национальному возрождению России. Солидаристы же вообще не уточняли форму правления, ограничиваясь разъяснением общих принципов будущей социально-политической системы.

В своих проектах и размышлениях дальневосточные авторы обнаружили пристрастие к органицизму, этому подарку социологии от

дарвинизма. Кождаку он виделся действенным средством постижения метафизической стороны социальности; Эрман производил с его помощью примитивные экстраполяции биологии в социальную историю; Никифоров, подкрепив естественный отбор еще и генетикой, занимался целеполаганием для России и всего человечества; консерваторы предлагали вернуть Россию к монархии на том основании, что это «органическая» форма правления; а евразийцы и сменовеховцы готовы были принять советскую систему, так как она опять-таки «органически» выросла из «народного материка».

Возможно, в этом методологическом однообразии тоже повинны и иноцивилизационное окружение, и географическая удаленность Харбина от Парижа, Шанхая от Берлина, некоторая оторванность «китайских» русских от центров западной мысли, да и эмигрантской тоже. Интеллектуальная элита российской эмиграции первой волны была сконцентрирована в европейских столицах, в Китае не оказалось людей, подобных Н. А. Бердяеву или И. А. Ильину, П. Б. Струве или П. Н. Милюкову. Несмотря на это, в фокусе внимания дальневосточной эмигрантской интеллигенции находился широкий спектр политических, социально-философских и культурологических проблем. И в том, как они решались, в особенности с помощью каких категорий, подчас превращаемых в клише (как моментально затаскали «национальный» или «правлящий отбор!»), нельзя не заметить большего или меньшего, где прямого, где опосредованного влияния евразийства...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Странник, 1997. № 1. С. 24.

² См., например: Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. Ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М., 1993; Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995; Савицкий П. Континент Евразия. М., 1997; Алексеев Н. Русский народ и государство. М., 1998.

³ Устрялов Н. В борьбе за Россию. Харбин, 1920. С. 1.

⁴ Романовский В. К. Смена вех. Азиатско-Тихоокеанский регион (20–30-е гг.) // Россия и АТР, 1998. № 1. С. 6.

⁵ Устрялов Н. Указ. соч. С. 5.

⁶ Романовский В. К. Указ. соч. С. 8.

⁷ Устрялов Н. В. Россия (У окна вагона). Харбин, 1926. С. 53.

⁸ Руснак С. С. Взгляд на евразийство с Дальнего Востока. В. Н. Иванов и его книга «Мы: культурно-исторические основы русской государственности» // Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков. Материалы первой международной научно-практической конференции. Владивосток, 1999. С. 211.

- ⁹ См.: *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык... С. 141–162.
- ¹⁰ См.: *Савицкий П.* Континент Евразия... С. 303–331.
- ¹¹ Цит. по: *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 223.
- ¹² См. сноску 16.
- ¹³ Новый путь. Шанхай, 1935, 6 октября. С. 4.
- ¹⁴ Нация. Харбин, 1939, 1 августа. С. 1.
- ¹⁵ *Родзаевский К. В.* Русский путь. Харбин, 1939. С. 62.
- ¹⁶ Там же. С. 61. Ср.: *Карсавин Л. П.* Основы политики // Россия между Европой и Азией... С. 174–216. Впрочем, Карсавин говорит о *евразийском* или *идеолого-политическом отборе* (Там же. С. 204).
- ¹⁷ *Родзаевский К. В.* Указ. соч. С. 62.
- ¹⁸ Там же. С. 70.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Цит. по: Балакшин П. Финал в Китае. Сан-Франциско — Париж — Нью-Йорк, 1959. Т. 2. С. 124.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 129.
- ²³ Здесь и далее: *Эрман К.* К вопросу об идеологических основах программы Российской Национально-Трудовой Партии и лозунги РНТП. Шанхай, 1932. С. 3–4.
- ²⁴ Здесь и далее: *Иванов В. Ф.* В поисках государственного идеала. Харбин, 1932. С. 2–18.
- ²⁵ *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1. М., 1993. С. 55.
- ²⁶ Здесь и далее: *Никифоров Н. И.* Социальная опасность. Сборник статей и переводов. Харбин, 1942. С. 102, 104.
- ²⁷ Там же. С. 93–96.
- ²⁸ *Коджак И. Б.* Социософия: новая наука о государстве, как социальном организме, и его душе — прогрессе. Харбин, 1937. С. 6.
- ²⁹ Там же. С. 11.
- ³⁰ Там же. С. 298.
- ³¹ Там же. С. 347.
- ³² Там же. С. 319, 328.
- ³³ См.: Об истинном и ложном национализме // *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык... С. 114–125; Евразийство (опыт систематического изложения) // *Савицкий П.* Континент Евразия... С. 27–33.